

РЕФЛЕКСИВНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

АНАСТАСИЯ МАТЕЦКАЯ

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

Профессор

Контакт: tojgar@mail.ru

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается изменение форм религиозности в современном обществе под влиянием углубляющегося процесса индивидуализации и роста значения рефлексивности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: рефлексивность, религиозность, индивидуализация, индивидуализированное общество, Нью Эйдж, идентичность, общество риска.

REFLEXIVITY AND RELIGIOSITY IN THE MODERN SOCIETY

ANASTASIA MATETSKAYA

Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

Professor

Contact: tojgar@mail.ru

ABSTRACT. The article deals with the changes in the forms of religiosity in the modern society under the influence of a process of individualization and a reflexivity process.

KEY WORDS: identity, individualized society, New Age, reflexivity, religiosity, risk society.

Секуляризация и модернизация сопровождались изменением функций религии и форм религиозности. Уже протестантская Реформация вела к тому, что религиозность становилась всё более индивидуализированной и рефлексивной. Процесс социокультурной дифференциации, способствующий формированию современности как секулярного порядка, оттеснял религию в сферу приватности, превращая её в частное дело индивида. Свобода вероисповедания, развитие научного знания и появление светских мировоззренческих систем создали плюралистическое идейное пространство, в рамках которого традиционная религия оказалась всего лишь одним из возможных вариантов осмысления реальности, утратив свои прежние функции истолкования и легитимации существующего порядка, а также социального контроля.

Превращение религии в вопрос выбора, с одной стороны, открывало свободу для религиозного творчества, с другой – связывало возможный религиозный выбор с потребностями индивида. В условиях современности религиозные убеждения индивида определяются его уникальной биографической ситуацией в большей степени, чем внешними влияниями, хотя и внешние влияния тоже имеют место. Однако множество уникальных биографических ситуаций могут иметь типологически общие черты, порождающие некий общий запрос к религии и соответствующие изменения в религиозной сфере.

После известной работы З. Баумана широкое распространение получило определение обществ позднего модерна (или постмодерна) как «индивидуализированных обществ»¹. Начавшись еще на ранней стадии модернизации и затронув первоначально лишь ограниченные группы, процесс индивидуализации постоянно нарастал, последовательно охватывая все более широкие социальные слои. Индивидуализация выражается в постоянном ослаблении устойчивых связей индивида с социальными группами, утрате прежних коллективных идентичностей, предписываемых индивиду обществом (сначала – сословных, общинных, традиционно религиозных, потом – классовых, профессиональных, национальных), что приводит к масштабному кризису идентичности, не только коллективной, но и индивидуальной.

Эти процессы усугубляются нарастанием динамизма обществ в эпоху позднего модерна и глобализации, неустойчивостью завоеванных индивидами социальных позиций, высокой социальной мобильностью, утратой чувства гарантированного будущего и общим ростом ощущения нестабильности и непредсказуемости жизни, обреченностью на постоянный выбор с непредсказуемым в полной мере результатом.

---

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.

В рамках других концепций, анализирующих общества позднего модерна, эта ситуация мыслится в терминах утраты или проблематизации «онтологической безопасности» (Э. Гидденс), индивидуальной уязвимости перед многочисленными рисками, генерируемыми современными обществами как «обществами риска» (У. Бек, Э. Гидденс).

В условиях индивидуализации неизбежно возрастает ответственность индивида. Эта ответственность включает теперь не только исполнение социальных предписаний, но и индивидуальное противостояние генерируемым обществом новым рискам, а также ответственность за решение экзистенциальных и смысложизненных проблем, которое ранее брало на себя общество как «фабрика смыслов», по выражению Баумана. Общества эпохи позднего модерна не предоставляют индивиду готовых мировоззренческих систем, позволяющих отвечать на «предельные вопросы» - это становится делом личности. Сферой индивидуальной ответственности становится и конструирование собственной идентичности. Существование индивида в обществах позднего модерна неизбежно становится всё более рефлексивным. Э. Гидденс выделяет следующие базовые характеристики «Я» позднего модерна:

«1) "Я" есть рефлексивный проект, за который отвечает сам индивид; "мы являемся тем, что мы сами из себя создаем"; 2) "Я" разрабатывает траекторию своего развития, возвращаясь к прошлому и прогнозируя будущее; путешествие в прошлое дает эмоциональную свободу для предвидения и созидания грядущего, построение траектории "Я" базируется на идее многоэтапного жизненного цикла; именно жизненный цикл (а не события внешнего мира) выступает доминантой траектории "Я"; 3) рефлексивность "Я" всеохватна и непрерывна, она обладает той же природой, что и историческая рефлексивность позднего модерна как эпохи; 4) целостность самоидентичности опирается на непрерывность связного автобиографического повествования (артикулированного или нет); 5) самоактуализация "Я" предполагает "диалог со временем", или вычленение зон "личного времени, лишь отдаленно связанных с внешним фиксированным временным порядком; 6) рефлексивность "Я" охватывает и сферу телесности индивида, так как тело - это часть индивидуальной системы действий, а не ее пассивный объект; 7) самоактуализация индивида требует равновесия возможностей и риска, которое достигается благодаря эмоциональному преодолению прошлого и осмысленному прогнозированию будущего; 8) нравственная задача самоактуализации актуализации - это достижение аутентичности "Я", т.е. верности самому себе; этот процесс требует интерпретация прежнего опыта и дифференциации истинного и ложного "Я"; 9) жизненный цикл личности воплощен в последовательной смене этапов, периодов или эпизодов, которые, в отличие от традиционного общества, почти не имеют ритуальных меток или внешней обусловленности; движение от эпизода к эпизоду, воплощающее в себе

баланс возможностей и риска, осуществляется благодаря "рефлексивной мобилизации траектории Я"; 10) развитие "Я", т.е. его жизненная траектория, обладает внутренней референтностью; единственно значимой "путеводной нитью" жизненной траектории выступает она сама»².

Эти типологические черты Я как рефлексивного проекта находят свое выражение в том типе религиозности, который получает широкое распространение в секулярных обществах во второй половине XX века. Наиболее последовательным воплощением этой религиозности является движение Нью Эйдж, возникшее в 60-е гг. XX века как специфический контркультурный проект и к началу XXI в., по замечанию ряда исследователей³, уже практически интегрированное культурным мейнстримом.

Как известно, Нью Эйдж не сформировало единого учения и организации и представляло собой синтез самых разных идей и практик, потому его удобнее рассматривать не столько как социальное движение, сколько как культурное течение. Именно текучесть и идейное многообразие определило широкие возможности для распространения Нью Эйдж и его проникновения в популярную культуру. Несмотря на идейную пестроту, существует несколько базовых идей или принципов, разделяемых всеми представителями этого течения, а также довольно широкой аудиторией, не идентифицирующей себя с Нью Эйдж.

Фундаментальным для Нью Эйдж и сформировавшейся на его основе «новой духовности» («spirituality») принципом является ориентация на личностный рост и личностное развитие, что непосредственно связано с приведенными выше характеристиками современного «Я» как рефлексивного проекта. Идентичность, формируемая в рамках данного мировоззрения, подразумевает наличие высшего Я, осознание и раскрытие которого и является задачей духовного роста. Высшее Я или высшая самость заменяет в мировоззрении Нью Эйдж идею Бога, в связи с чем некоторые исследователи говорят о Нью Эйдж как о «религии самости»⁴ («self religion»).

Формируемые в рамках такого мировоззрения представления о цели и смысле жизни позволяют индивиду чувствовать свою независимость от изменчивого социально-культурного контекста, сформировать идентичность, которая не определяется социальным статусом и не может быть разрушена в результате его изменения или утраты. Жизненные кризисы или неудачи в

---

² Гидденс Э. Модерн и самоидентичность / Реф. Е.В. Якимовой // Современная теоретическая социология: Энтони Гидденс. Реферативный сборник под ред. Ю.А. Кимелева. Серия "Социология". М.: ИНИОН РАН, 1995. С.102-103.

³ Hanegraaff, J.H. New Age Religion and Western Culture. Esotericism in the Mirror of Secular Thought. Leiden; New York; Koln: Brill, 1996.

⁴ Heelas, P. The Spiritual Revolution: from 'Religion' to 'Spirituality' // Religion in the Modern World /Edited by L.Woodhead, London. 2002.

рамках этого мировоззрения рассматриваются не как катастрофы, но как уроки, которые необходимы на пути личностного развития. Таким образом, личность формирует определенную устойчивость к возможным рискам, с которыми она может столкнуться.

Важной составляющей мировоззрения Нью Эйдж является признание ответственности личности за происходящее с нею. Всё, что может случиться с личностью – как хорошее, так и плохое – определяется её внутренним состоянием, степенью её духовного развития. Между субъективной и объективной, внешней реальностью существует соответствие, с личностью случается только то, чему она «позволяет» случиться. Духовный рост и самопознание выступают не только как практики, способствующие улучшению психологического состояния личности, но и как средства, способные улучшить её положение в обществе, в мире. Внутренняя гармония и духовное совершенство являются залогом успеха и счастья.

Подобное видение самости позволяет встроить индивидуальное существование в широкий исторический и даже космический контекст, сформировать прочную идентичность, практически не зависящую от изменчивых внешних обстоятельств. Адаптированная Нью Эйдж восточная идея кармы предполагает, что существование личности не ограничивается кратким отрезком единственной жизни, но разомкнуто во времени, перевоплощения служат той же цели, что и отдельная жизнь – цели духовного роста и самосовершенствования. Индивидуальное бытие личности – элемент единого космического процесса, который также движется путем духовного развития, духовной эволюции. В таком мифологизированном прочтении Нью Эйдж сохранило идею прогресса, практически утратившую смысл в рамках секулярного мировоззрения постмодерна (или позднего модерна).

Задача духовного роста требует от индивида контроля собственных субъективных состояний, анализа произошедших с ним событий и характера отношений, в которые он включен. Всё это подразумевает рефлексивность и самоанализ как постоянную составляющую жизни. В практиках духовного развития большое значение имеет человеческая телесность – вопросы правильного питания, поддержания своего здоровья занимают значительное место в мировоззрении Нью Эйдж, а также в современной потребительской культуре, куда идеи Нью Эйдж успешно проникли, как и в сферу психотерапии и даже медицины. Вся современная сфера индивидуальной «заботы о себе» пронизана идейным влиянием Нью Эйдж, часто даже не осознаваемым.

Рефлексивность типа религиозности, формируемого Нью Эйдж, выражается также в преобладании сознательного подхода к собственным убеждениям. Этот тип религиозности не подразумевает «веры» – в том смысле, который это понятие имеет в христианстве. Нью Эйдж и новая духовность полагаются на «знание», более близкое по характеру к античному гнозису, чем

современному научному знанию, а также подчеркивают значение «личного опыта» в познании и самопознании. Именно расширение знания составляет суть духовного развития и духовного роста.

Представленные выше характеристики новой рефлексивной религиозности являются ответом на социальную и культурную ситуацию, в которой оказывается индивид, вынужденный приспосабливаться к постоянно меняющемуся и нестабильному социальному порядку, когда собственная личность оказывается едва ли не единственным стабильным элементом реальности. Мироззрение Нью Эйдж позволяет не только решить проблему кризиса идентичности и смысла жизни, но также символически контролировать ситуацию неопределенности и риска, в которой находится индивид. Символический (или даже просто воображаемый) характер этого контроля вызывает закономерную ироническую реакцию у ряда исследователей. Однако распространенность идей и практик Нью Эйдж говорит об их массовой востребованности и определенной психологической функциональности, обусловленной соответствием этих идей и практик экзистенциальным потребностям современной личности, определяемым, в свою очередь, теми её характеристиками, которые выделил Гидденс.

Проблемы онтологической безопасности и конструирования идентичности решаются не только в рамках новой рефлексивной индивидуализированной религиозности. Они могут решаться и вообще вне какой-либо религии – хотя в условиях размывания границы между религиозным и не-религиозным и проникновения религиозных идей и символов в массовую культуру говорить о пространстве, полностью свободном от религии, становится довольно сложно. Эти проблемы могут решаться также в рамках религиозности, сохраняющей традиционные черты: наличие доктрины, требующей веры и подчинения авторитетам, наличие религиозной организации и социального контроля. В данном случае обреченность индивида на постоянный выбор и рефлексивность решаются простым способом – отказом от того и от другого, редуцированием сложности современного мира к простым дуалистическим схемам противостояния добра и зла, формированием «зон стабильности» в нестабильном мире, даже ценой отказа от тех благ, которые он может предложить. (Свобода также является одним из этих благ). Примером такого решения может служить современный религиозный фундаментализм, который является не столько воплощением религиозной традиции, сколько попыткой реконструировать эту традицию. Но процесс обращения к традиции, её реконструкции невозможен без рефлексии – как и переформатирование собственной жизни в соответствии с новыми усвоенными образцами. Конструирование идентичности «истинного верующего» требует определенных усилий и работы над собой.

Даже традиционная религиозность в современных условиях не является полностью свободной от черт, присущих религиозности нового типа. Присоединение к той или иной религиозной организации становится, как правило, результатом свободного выбора, даже если целью этого выбора является избегание выбора в дальнейшем. В рамках традиционных религиозных организаций возрастает значение рефлексивного и индивидуального подхода к вере, ориентации на личный духовный опыт, что находит выражение в формировании различных течений в рамках традиционных конфессий.

Таким образом, изменение условий существования личности в обществах позднего модерна порождает новые формы религиозности, соответствующие экзистенциальным проблемам и запросам, определяемым этими условиями.

REFERENCES

Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society]. Moscow, 2005. (In Russian)

Giddens A. Modernity and Self-identity [Modern i samoidentichnost']. *Sovremennaya teoreticheskaya sociologiya: Entoni Giddens. Referativnyi sbornik*, pp.102-105. Moscow, 1995. (In Russian)

Hanegraaff J.H. *New Age Religion and Western Culture. Esotericism in the Mirror of Secular Thought*. Leiden ;New York; Koln: Brill, 1996.

Heelas P. The Spiritual Revolution: from 'Religion' to 'Spirituality'. In: *Religion in the Modern World*. London, 2002.